

]

Тао Гуан продолжил:

— Поверь, ни в одном другом месте тебе не предложат таких денег.

Лицо Шань Циншаня похолодело еще сильнее:

— Это из-за тебя.

Тао Гуан обнаглел до крайности и открыто признал:

— Да, из-за меня.

Тао Гуан крутился в шоу-бизнесе больше десяти лет; кого он только не встречал, каких только грязных трюков не проворачивал!

Шань Циншань в конце концов был всего лишь неоперившимся подростком без связей и влияния. Перед опытным волком он выглядел беспомощным, безоружным и нагим.

Тао Гуан достал из сумки договор и протянул ему:

— Можешь не спеша подумать. Если, конечно, у тебя есть на это время.

...

Тао Гуан и Шань Фан ушли.

Шань Циншань остался сидеть на больничной скамье в полном одиночестве.

Ему нужны были деньги.

Гонорар за стримы составлял всего сто тысяч юаней.

Этого было ничтожно мало.

И времени ждать у него действительно не оставалось.

В этот момент в кармане зазвонил телефон. Шань Циншань достал аппарат — звонил Чжоу Чун. Он не стал отвечать сразу: помолчал, глядя на экран, и лишь затем нажал на кнопку приема.

— Сокровище Циншань, ты где? Почему сегодня нет трансляции?

Голос Шань Циншаня звучал абсолютно ровно:

— Появились дела.

Никаких подробностей, ни единого слова о том, что стряслось.

Это значило только одно: он не хочет посвящать его в происходящее.

Чжоу Чун, начисто лишенный чувства личных границ, сразу рубанул напрямик:

— Мы с тобой в одной постели спали, а ты на прямой вопрос темнишь и ничего не рассказываешь? С чего вдруг такая скрытность?

Шань Циншань опустил голову, его взгляд бесцельно уперся в пол:

— Чжоу Чун, мне сейчас не до этого.

— Ну ладно, не стану допытываться. А ты не хочешь спросить, чем я занимался эти два дня?

Сквозь трубку Шань Циншань не видел собеседника, но живо представлял его ленивую, расслабленную позу и привычную дерзкую усмешку на губах.

— И чем же?

— Я выучил одно заклинание.

— ...

Шань Циншань в очередной раз убедился: Чжоу Чун обладал феноменальным талантом выставлять себя законченным психом.

Чжоу Чун таинственно понизил голос:

— Мастер поведал мне, что это заклинание действует только на людей с величайшей благодатью. Стоит его произнести, как тут же явится твой дух-хранитель.

— ...

Диагноз: неизлечимый идиот.

— Ты пробовал? — спросил Шань Циншань.

— Пробовал.

— Стало быть, дух-хранитель уже стоит рядом с тобой.

— А вот и нет. Мастер сказал, что такое удастся одному на десять тысяч.

— ...

— Возможно, тебе стоит записаться к неврологу, — от чистого сердца посоветовал Шань Циншань.

— А давай я продиктую тебе слова, и ты попробуешь? Если призовешь духа-хранителя, это докажет, что ты — тот самый редкий счастливчик.

— Какая глупость.

— Ну попробуй. Я научу тебя: «Watashi no soba ni»...

Шань Циншань помолчал пару секунд, затем произнес:

— «Watashi no soba ni»...

Чжоу Чун продолжил:

— «... ite hoshii».

Шань Циншань эхом повторил:

— «... ite hoshii».

Едва затихли слова, как левое и правое плечо Шань Циншаня ощутили легкие хлопки.

Он вскинул голову и встретился взглядом со смеющимися глазами Чжоу Чуна.

Чжоу Чун вскинул брови:

— Поздравляю, избранный счастливчик! Заклинание сработало — твой дух-хранитель явился.

Сердце Шань Циншаня пропустило удар, и он мгновенно понял замысел парня.

Тот хотел сказать ему:

Он, Шань Циншань, — один на десять тысяч.

Он, Шань Циншань, благословлен судьбой.

И он, Чжоу Чун, — его верный хранитель.

Шань Циншань словно попал под действие сокрушительного заклятия Чжоу Чуна, против которого у него не было никакой магической защиты.

Он поднялся со скамьи и посмотрел на него.

Их взгляды переплелись в звенящей тишине, наполняясь неожиданным теплом.

Спустя мгновение Шань Циншань невозмутимо произнес:

— Ты ведешь себя как ребенок.

— Не веришь? Я всю жизнь творил добро и копил заслуги, так что вполне заслужил честь быть твоим хранителем.

— Скорее наоборот. Это мне пришлось копить благие заслуги.

Можно подумать, Шань Циншань — какая-то драгоценная реликвия, ради защиты которой нужно замаливать грехи и копить карму.

— Хватит паясничать, — добавил Шань Циншань.

— Всё еще сомневаешься? Тогда докажу: я вижу то, что скрыто от обычных глаз. Например... — Чжоу Чун указал на карман Шань Циншаня. — В твоём кармане лежит камень.

— Никаких...

— ...и он давит на тебя так, что ты едва можешь дышать, — перебил его Чжоу Чун.

Шань Циншань застыл.

Он понял, что речь идет вовсе не о булыжнике.

Чжоу Чун имел в виду непосильную ношу, давившую на его плечи.

У каждого человека, как бы он ни выглядел со стороны, в карманах спрятаны невидимые камни — груз, чей вес невозможно оценить невооруженным глазом; каждый волочит за собой тяготы собственной жизни, сгибаясь под этой тяжестью.

Чжоу Чун опустил ладонь в его левый карман, сжал пальцы, будто что-то ухватил, и переложил в свой карман:

— Забираю половину.

Глядя на стоящего перед ним рослого парня с сияющими глазами и мягкой, ленивой улыбкой, Шань Циншань почувствовал, как разжимаются стиснутые кулаки, а давящая тяжесть в груди вдруг отступает — будто тот и впрямь унес с собой половину неподъемного валуна.

Этот человек...

Почему он бьет одним суперприемом за другим?

Даже обычных атак не использует.

Не желая идти у него на поводу, Шань Циншань спросил:

— Когда ты вернулся?

— Прилетел ночным рейсом.

— А когда узнал обо всем?

— Сразу, как сошел с трапа. Ю Лян и Чжоу Шо тоже рвались сюда, но я побоялся, что они только создадут суматоху, и велел им сторожить дом. Как бабушка?

Шань Циншань помолчал, затем произнес:

— Чжоу Чун, я считаю тебя своим другом, поэтому забудь о духах-хранителях. Дружба должна быть обоюдной. Если ты берешь мои камни, то взамен должен отдать мне свои, чтобы я тоже поделил твою ношу. Иначе я не позволю тебе вмешиваться.

Шань Циншань решительно протянул к нему раскрытую ладонь.

Чжоу Чун полез в карман, пошарил там и проворчал:

— Так и знал, что подобные фокусы прокатят разве что с кем-то вроде Ю Ляна.

— Но, радость моя, — пожаловался он, — неужели ты совсем не растроган? Я же целую вечность репетировал!

Растроган.

Но позволять эмоциям брать верх над разумом было не в его правилах.

Чжоу Чун положил ему на ладонь баночку сладкой каши из восьми сокровищ:

— Держи-держи, тяжеленная — жуть!

Шань Циншань опешил.

Каша была горячей.

Следом парень вытащил два горячих паровых пирожка баоцзы.

А затем — два горячих чайных яйца.

— Вот тяжесть из моих карманов, — заявил Чжоу Чун. — Сам напросился — теперь отвечай. Ешь.

Это был обычный завтрак, какая еще тяжесть...

Шань Циншань растерянно смотрел на него.

Тепло, исходившее от еды в ладонях, мягким потоком перетекало прямо в сердце.

Шань Циншань медленно опустил глаза:

— Откуда в тебе... столько выдумок?

— Расскажи ты мне всё с самого начала, мне бы не пришлось выкручиваться. Теперь-то расскажешь? Давай выкладывай быстрее, а то я жду не дождусь, когда смогу пойти по твоему совету к неврологу.

...

Шань Циншань не сомневался, что Чжоу Чун и впрямь способен отправиться к врачу.

— Я пошутил, — пояснил он.

— Правда? Значит, с головой у меня всё в порядке?

— ...

Сам этот вопрос звучал так, будто с головой у него явно не всё ладно.

— А мне кажется, что в мозгах что-то переклинило, — не унимался Чжоу Чун.

Шань Циншань посерьезнел:

— Что такое? Где болит?

— Не болит.

— Голова кружится?

— Не кружится.

Шань Циншань заподозрил, что Чжоу Чун снова готовит очередной трюк.

Он внимательно взгляделся в его лицо: брови парня были слегка сдвинуты, словно его и впрямь что-то всерьез тревожило.

— По-моему, ты в полном порядке. Но если чувствуешь недомогание, сходи к врачу.

Чжоу Чун выцепил только первую фразу:

— В порядке? Тогда почему, что бы я ни делал, я постоянно думаю о тебе?

<http://bllate.org/book/19795/1950928>